

ПЕПЕЛ РАВНОВЕСИЯ

ВИКТОР БЕЗМАТЕРНИЙ

18+

Виктор Безматерный
Пепел Равновесия

«Автор»

2026

Безматерний В.

Пепел Равновесия / В. Безматерний — «Автор», 2026

Когда родной дядя убивает твоего отца и захватывает власть, ты бежишь в горы, чтобы выжить. Но изгнание превращает тебя из наследника в вождя армии изгоев. Обретая древний магический кристалл, Рарог получает силу сокрушать крепости, но рискует потерять собственную душу. Чтобы спасти сестру и свергнуть тирана, ему предстоит пройти через предательство друзей, кровавые битвы и сделать главный выбор: остаться человеком или стать монстром ради победы. Сын вождя, ставший вождем изгоев. Артефакт, дающий силу ценой души. Армия, идущая на верную смерть. Рарогу предстоит взять штурмом неприступный лагерь врага, раскрыть заговор внутри собственного войска и выстоять против магии, способной обращать скалы в песок. Если он проиграет — тьма поглотит весь мир. Если победит... возможно, спасти уже будет некого.

© Безматерний В., 2026

© Автор, 2026

Содержание

Виктор Безматерний	5
Глава 1.	6
Глава 2.	10
Глава 3.	14
Конец ознакомительного фрагмента.	15

Виктор Безматерний Пепел Равновесия

Виктор Безматерний

Глава 1.

Рассвет в землях племени Волка не был нежным. Он не приходил с мягкими розовыми красками или пением птиц. Он врвался в мир тяжелым, стальным ударом — когда первый луч холодного солнца касался ледяной кромки Медвежьего кряжа, заставляя иней вспыхивать ослепительной, но безжалостной белизной. Воздух был густым, пахнущим дымом сотен очагов, прелой листвой и мокрой псиной. Это был запах дома. Запах силы.

Рарог проснулся за миг до того, как тяжелая рука отца легла ему на плечо. Он не дернулся, не вскрикнул. Тело, натренированное годами, сработало само. Он лишь приоткрыл один глаз, встречая суровый взгляд Вождя.

— Вставай, — голос отца был низким, как гул далекой грозы. — Небо светлеет. Если ты хочешь стать щитом для племени, ты должен встать раньше солнца.

Рарог молча сбросил с себя тяжелую медвежью шкуру. Холод тут же впился в кожу тысячей игл, но он лишь сжал зубы. Жаловаться на холод — позор. Жаловаться на боль — слабость. Этому его учили с того дня, как он научился ходить.

Он натянул на голое тело кожаные штаны и рубаху из грубой шерсти. Сапоги из сыромятной кожи были жесткими, но Рарог знал: через час бега по каменистой тропе они станут мягче, приняв форму ноги. Он перехватил поудобнее пояс с ножнами.

Отец уже ждал его у выхода из шатра. Вождь был огромен. Не толстым, как некоторые вожди южных племен, а именно огромным — гора мышц и сухожилий, обтянутая дубленой кожей. Его борода цвета соли с перцем была заплетена в две тугие косы, а в серых глазах не было ни капли тепла. Только сталь и расчет.

— Меч или топор? — спросил Рарог, выходя на утоптанную площадку тренировочного круга.

Вождь окинул сына оценивающим взглядом. Рарог вытянулся за последний год, плечи стали шире, но в движениях еще проскальзывала юношеская порывистость.

— Топор оставь медведям, — пророкотал Вождь. — Сегодня мы говорим языком стали. Бери меч.

Рарог кивнул и направился к стойке с оружием. Он выбрал свой клинок — не парадный, украшенный серебром для пиров, а боевой. Простая крестовина гарды, обмотанная потертой кожей, и тяжелое навершие для баланса. Лезвие было выковано из темной болотной руды лучшими кузнецами племени. Оно не блестело на солнце золотом, оно впитывало свет, становясь черным зеркалом смерти.

Выйдя в центр круга, Рарог сделал несколько пробных взмахов. Меч пел в его руках. Это была не просто железка. Это было продолжение его руки, его воли.

— Закон Волка прост, сын, — начал Вождь, становясь в стойку. Ноги широко расставлены, меч опущен к земле. Он не тратил сил на красивые позы. — Мы не сеем хлеб на чужой земле. Мы не просим милости у богов — мы берем то, что нам причитается силой.

Он сделал первый шаг вперед.

— Мы защищаем своих до последней капли крови.

Вождь атаковал без предупреждения. Это был не учебный выпад, а настоящий удар, направленный в грудь. Рарог едва успел отшатнуться, чувствуя, как ветер от пронесшегося клинка обжег шею.

— Слишком медленно! — рыкнул отец. — Ты думал о мече в своей руке? Или о том, как красиво ты стоишь? Думай! В бою нет красоты! Есть только жизнь и смерть!

Рарог ушел от следующего удара перекатом через плечо и вскочил на ноги уже в защитной позиции.

— Я думал о законе! — выдохнул он.

Вождь усмехнулся краем губ. Это была не улыбка радости, а хищный оскал зверя перед прыжком.

— Закон! Закон говорит: «Слабый должен умереть». Ты сейчас слаб. Твоя оборона дырява, как решето старой рыбацкой лодки!

Он обрушил на сына град ударов. Рарог отбивался отчаянно. Звон стали о сталь разносился по стойбищу, будя спящих воинов и их семьи. Блок сверху, уход вниз, попытка контратаки... Клинок Вождя отбил его меч так легко, словно тот был ивовым прутиком.

— Локоть выше! — гаркнул отец, ударом плашмя по руке заставляя Рарога скорректировать стойку. Боль прострелила предплечье до самого плеча. — Ты открываешь правый бок! Любой раб с кухонным ножом вспорет тебе брюхо!

Рарог зарычал от злости и боли. Зарычал по-настоящему, по-волчьи. Ярость придала ему сил. Он перестал просто защищаться. Он начал думать.

«Он выше», — мелькнула мысль.

«Он сильнее».

«Но он... предсказуем».

Вождь всегда начинал серию с правого плеча.

Рарог принял следующий удар на жесткий блок, принимая всю чудовищную мощь удара на свои руки и клинок. Мышцы взвыли от напряжения. Но пока отец давил весом и силой, Рарог сделал то единственное, что мог: он шагнул вперед.

Это было безумием. Он вошел в зону поражения врага. Но это сломало ритм атаки отца.

— Что ты... — начал Вождь.

Договорить он не успел. Рарог ударил лбом в переносицу отца.

Это был запрещенный прием в учебных поединках, но сейчас это был бой за жизнь. Хрустнуло. Вождь отшатнулся на шаг назад, инстинктивно хватаясь свободной рукой за лицо.

Этого мгновения хватило.

Рарог крутанулся на пятках и нанес удар наверху мечом по тыльной стороне ладони отца, сжимавшей рукоять. Пальцы разжались. Тяжелый клинок упал в грязь тренировочного круга с глухим стуком.

Вождь стоял перед ним с окровавленным носом и пустыми руками. А у Рарога был меч.

Тишина повисла над стойбищем плотнее утреннего тумана.

Все воины вокруг замерли. Женщины у костров перестали греметь посудой.

Вождь медленно опустил руку от лица и посмотрел на сына. Кровь капала с его бороды на землю.

Рарог замер с поднятым мечом. Он только что обезоружил своего отца. Вождя племени Волка. Это было неслыханно. Это было... почетно? Или смертельно?

Несколько ударов сердца они смотрели друг другу в глаза.

А затем Вождь расхохотался.

Смех его был подобен грохоту камнепада в горах — громкий, раскатистый и пугающий своей первобытной мощью.

— Клянусь предками! — проревел он так громко, что вороны сорвались с крыш шатров. — Ты сделал это! Ты думал! Ты использовал голову вместо щита!

Он шагнул к сыну и одним движением вырвал меч из его рук, а затем сгреб Рарога в медвежьи объятия так крепко, что у того затрещали ребра.

— Вот это дух Волка! Вот это кровь!

Отпустив сына, он вытер кровь с лица тыльной стороной ладони и обвел взглядом при- тихшее стойбище.

— Смотрите все! — крикнул он воинам, которые уже подтягивались к кругу, привлеченные шумом боя и смехом вождя. — Смотрите на моего сына! Сегодня он победил меня не силой мышц, а силой ума! Так должен драться каждый воин Волка! Не тупо размахивать железом! А думать!

Воины одобрительно загудели, застучали кулаками по щитам и древкам копий.

Рарог стоял оглушенный победой и похвалой отца одновременно. Боль в руке никуда не делась, но она казалась сладкой болью триумфа.

— Ты заслужил завтрак настоящего воина, а не кашу для детей, — сказал Вождь уже тише, положив тяжелую ладонь на плечо сына. — Пойдем к костру стариков Гневомира. Там сегодня варят похлебку из оленины с корнем папоротника.

Они пошли через стойбище вместе — Вождь со своим сыном-победителем. Жизнь вокруг кипела привычным утренним ритмом: женщины носили воду от ручья в кожаных бурдюках; кузнец уже раздувал мехи в своей приземистой землянке-кузнице; дети постарше таскали хворост для общих костров; собаки дрались за выброшенную кость у разделочной ямы.

Племя просыпалось для нового дня выживания в суровом мире гор и лесов.

У большого костра старейшин уже сидел Гневомир — самый старый воин племени, чьи волосы были белее снега на вершинах гор. Рядом с ним хлопотала его жена Бажена — могучая женщина с руками толще ног молодого воина и добрым сердцем размером со всё стойбище.

— А вот и наши герои! — прогудела Бажена своим низким голосом, увидев их подходящими к костру. От котла шел такой густой пар и аромат вареного мяса с травами, что у голодного Рарога свело желудок.

— Дай им по миске похлебки покрепче! Мой внук сегодня показал отцу зубы!

Гневомир лишь хмыкнул в свою седую бороду и подвинулся на бревне-скамье, освобождая место для Вождя и его наследника.

Бажена споро наполнила две глубокие деревянные миски дымящимся варевом до самых краев и протянула им увесистые ломти ржаного хлеба на закваске.

Рарог принял свою порцию с поклоном благодарности. От миски шел такой жар, что жгло пальцы, но он терпеливо ждал разрешения начать есть рядом с отцом и старейшиной.

Вождь сел первым, поставил миску себе на колени и взял хлеб левой рукой (правая все еще ныла после удара наверху). Рарог сел справа от него по правую руку от Гневомира — место почета для наследника во время трапезы со старшими.

— Ешь, волчонок, ешь досыта, — пробасил Гневомир, глядя на Рарога выцветшими от старости глазами. — Сила мужчины растет из мяса оленя так же верно, как из молока матери росла твоя жизнь.

Рарог кивнул и принялся за еду. Похлебка обжигала язык и небо так сильно, что слезы наворачивались на глаза от остроты трав и крепости бульона, но это была самая вкусная еда в мире. Он ел жадно, но аккуратно: сначала вылавливал куски мяса покрупнее (печень оленя!), затем черпал густую жижу хлебом до последней капли.

Некоторое время у костра царила тишина, нарушаемая лишь громким чавканьем да треском поленьев в огне.

Наконец Гневомир нарушил молчание:

— Слышал я вчера от дозорных у Серого перевала... Двигается кто-то с востока. Не торговый караван это точно... Слишком тихо идут для торговцев.

Вождь нахмурился и отложил пустую миску в сторону.

— Сколько их?

— Десятка два-три пеших... Но идут споро. И следы странные оставляют... Будто не люди вовсе по земле ступают...

Вождь потер подбородок:

— Разведчиков послать надо к перевалу к полудню. Пусть посмотрят издалека... Если это люди Волкодлака опять свои шупальца тянут к нашим пастбищам...

Имя брата матери Вождя прозвучало как ругательство даже здесь, у мирного костра за похлебкой. Волкодлак всегда был занозой под ногтем племени Волка: жадный до власти интриган из соседнего рода Медведя (или того хуже), который считал законы гор глупостью для слабых духом.

— Я сам поведу разведку после совета у Камня-Сердца? — спросил Рарог между двумя ложками похлебки.

Отец покачал головой:

— Нет. Сегодня ты будешь учиться другому искусству. После полудня пойдешь со мной к шаману Гориславу. Твоя тринадцатая зима прошла вчера ночью под звездами Севера. Пора тебе узнать тайну имени нашего рода... И тайну твоего собственного имени.

Рарог замер с ложкой у рта:

— Тайну имени?

Гневомир хрипло рассмеялся:

— А ты думал «Рарог» тебе просто так дали? За красивые глаза? Нет-нет... Имя дается духом огня не каждому мальчику из рода Волка... Это знак особого пути... И особой ноши.

Слова старика были полны загадок и намеков на что-то великое и страшное одновременно. Сердце Рарога забилося чаще от предвкушения чего-то большего, чем просто бой или охота.

Но прежде чем он успел задать вопрос о том таинственном ритуале или о том «особом пути», тишину стойбища разорвал резкий звук сигнального рога со смотровой вышки у ворот частокола.

Тревога!

Звук рога был коротким и отрывистым: «Чужие близко».

Все трое мужчин у костра мгновенно подобрались. Леня сытого завтрака слетела с них вместе с паром над мисками Бажены.

Вождь вскочил на ноги одним плавным движением хищника:

— К оружию!

Его голос разнесся над стойбищем подобно грому:

— Воины Волка! К оружию! Тревога!

И мирная жизнь стойбища кончилась так же быстро, как тает снег под весенним солнцем над костром войны...

Глава 2.

Сигнал тревоги еще висел в морозном воздухе, но для меня он уже не имел значения. Воины бежали к частоколу, гремели доспехи, скрипели ворота стойбища, а я стоял посреди этого хаоса совершенно неподвижно. Мои руки все еще помнили тяжесть тренировочного меча, а мышцы горели после победы над отцом, но сейчас всё это казалось далеким сном. Потому что там, у ворот, куда устремились все взгляды, стояла она.

Лада.

Моя младшая сестра. Мой личный якорь в этом суровом мире мужчин и железа. Ей было одиннадцать зим — возраст, когда девочка уже перестает быть несмышленным ребенком, но еще не носит тяжелый пояс взрослой женщины. Она была тонкая, как молодая березка, с волосами цвета спелой пшеницы, которые сегодня были заплетены в тугую косу, перекинутую на грудь. Но главное — ее глаза. Огромные, серые, как небо перед бурей, они всегда смотрели на мир с каким-то внутренним светом, словно видели то, чего не замечали другие: танец пылинок в луче солнца или тайный смысл узоров на старом щите.

Я сорвался с места раньше, чем успел осознать приказ отца «К оружию!». Я побежал не к частоколу, где звенела сталь, а прочь от него, за шатры, туда, где начинался пологий склон холма, поросший сухим вереском. Там рос старый, корявый дуб, чьи корни выпирали из земли подобно венам древнего великана. Это было наше место. Наше убежище.

— Лада! — крикнул я, продираясь через колючие кусты шиповника. Ветка хлестнула меня по лицу, оставив жгучую царапину, но я даже не заметил боли. — Лада!

Она сидела под дубом, обхватив колени руками. На снегу рядом с ней лежала деревянная кукла с тряпичным лицом, которое Бажена вышила ей прошлой осенью. Увидев меня, она вздрогнула всем телом, но тут же выдохнула с облегчением.

— Рарог! Ты напугал меня!

Я рухнул на колени прямо в снег перед ней. Сердце колотилось где-то в горле, мешая говорить.

— Ты... ты почему здесь? Почему не в шатре с матерью? Там опасно! Там чужие!

Она посмотрела на меня снизу вверх, и в ее взгляде не было ни капли страха. Только бесконечное терпение, с которым взрослые слушают лепет неразумных детей.

— Чужие далеко, братец. А если бы они подошли близко, разве их остановили бы стены? Нас защитит отец. И ты.

Ее уверенность обожгла меня. Она верила в меня так безоговорочно, что мне стало стыдно за свой собственный страх. Страх не за себя. За нее. Если племя Волка падет, женщин ждет участь страшнее смерти. Мать заберут как трофей, а Ладу... О судьбе таких девочек лучше было не думать вовсе.

— Не говори глупостей, — буркнул я, отводя взгляд. — Я просто пришел убедиться, что ты в безопасности.

Мы замолчали. Снизу доносился приглушенный гул битвы — лязг металла, крики раненых, глухие удары тарана о дерево. Звуки войны. Для меня это была музыка жизни, путь к славе. Но сейчас эта музыка казалась грубой и фальшивой.

— Расскажи мне сказку, — тихо попросила Лада, прижимаясь к моему плечу. Ее плечо было теплым, почти горячим сквозь толстую шерсть моей рубахи. — Ту, про небесного кузнеца и звезды.

Я вздохнул. Как я мог отказать ей? Даже когда мир рушится, сказки должны звучать.

— Хорошо, — сказал я, обнимая ее одной рукой. — Но только одну. И самую короткую. Она благодарно кивнула и устроилась поудобнее, положив голову мне на грудь.

— Давным-давно, когда земля была молода, а боги ходили среди людей, жил великий Кузнец. Он ковал не мечи и топоры, нет. Его наковальня стояла на самой высокой горе, а молот его был выкован из упавшей звезды. Каждый вечер, закончив дневной труд, он брал пригоршню серебряной пыли и алмазной крошки, разогревал их в своем горне до белого жара и швырял в небо.

— Зачем? — прошептала Лада, глядя на меня широко распахнутыми глазами.

— Чтобы людям было не так страшно ночью. Темнота пугает тех, кто слаб духом. А яркие искры в черноте неба напоминают им, что свет можно создать даже из камня, нужно лишь приложить силу и волю. Так появились звезды.

— Красиво, — выдохнула она. — Значит, каждая звезда — это чья-то надежда?

— Может быть, — согласился я. — А теперь моя очередь спрашивать. О чем мечтаешь ты, сестренка? Когда ты станешь женщиной и тебе сплетут женский пояс, какой дар ты принесешь племени? Будешь ли ты ткать такие полотна, чтобы птицы путали их с небом? Или варить медовуху слаще дикого меда?

Лада долго молчала, теребя кончик своей косы. Потом подняла на меня свои ясные глаза, и в них блеснуло что-то новое, незнакомое мне.

— Я хочу научиться читать следы ветра, Рарог. По-настоящему. Шаман Горислав говорит, что ветер приносит вести со всех концов света. Что он шепчет имена врагов задолго до того, как они ступят на нашу землю. Я хочу слышать этот шепот. Хочу знать тайны трав, которые могут исцелить любую рану одним прикосновением. Я хочу стать такой мудрой, чтобы мой совет был важнее удара меча.

Я опешил. Мечты воинов были понятны: слава, добыча, уважение братьев по копыю. Мечты женщин тоже были ясны: очаг, дети, достаток. Но то, что говорила Лада...

— Это мечты шамана, — осторожно заметил я. — Путь духов труден и опасен. Он не для нежных рук девушки.

— Кто сказал, что мои руки нежные? — возмутилась она и тут же доказала это, больно ущипнув меня за бок. Я охнул и рассмеялся. Смех вышел немного нервным.

— Ладно-ладно, воительница. Но зачем тебе это? Разве не прекраснее сидеть у теплого очага, слушать песни скальдов и ждать мужа с охоты?

Она фыркнула совсем не по-девичьи:

— Скальды лгут, Рарог. Они поют о битвах, которых не видели, превознося храбрость живых и забывая трусость мертвых. Их песни пахнут элем и потом. А я хочу знать правду. Истинную историю нашего рода, которая записана не на пергаменте, которого у нас нет, а в узорах коры старого дуба и в рисунке трещин на камне. Я хочу понимать язык мира вокруг нас.

Я смотрел на свою маленькую сестру и видел перед собой не ребенка, а кого-то гораздо старше и мудрее. Внезапно я почувствовал себя неуклюжим медведем рядом с быстрой куницей. Моя мечта была простой и громкой: взять отцовский меч, повести воинов в бой, покрыть свое имя славой, чтобы барды пели обо мне веками. Ее мечта была тихой, глубокой и пугающей своей непонятностью.

Внизу раздался особенно громкий треск, а затем победный рев наших воинов.

— Ворота! Они проломили ворота! — донесся чей-то ликующий вопль.

Битва переместилась внутрь частокола. Скоро всё будет кончено. Мы либо победили малой кровью, либо... об этом думать не хотелось.

— А твоя мечта? — спросила Лада, возвращая меня в реальность. — Ты ведь мечтаешь не просто носить меч? Все мальчики хотят быть воинами.

— Конечно, — я выпрямился, расправляя плечи. Голос мой окреп, становясь похожим на голос отца. — Я мечтаю стать Вождем. Сильнейшим из сильных. Я поведу наши сотни не просто в набеги за стадами соседей. Я объединю племена. Я построю такую крепость, которую не возьмет никакой таран. Я проложу торговые пути к теплому морю, откуда привозят шелка и вино. Имя Рарога будут произносить с трепетом от Медвежьего кряжа до Великой реки. Вот моя мечта.

Я говорил горячо, размахивая свободной рукой, словно уже держал в ней поводья тысячного войска. Лада слушала внимательно, не перебивая. Когда я закончил, она легонько коснулась моего шрама на лице — той царапины от шиповника.

— Ты будешь великим вождем, брат. Я знаю. Но запомни одно: самая крепкая стена строится не из камня, а из доверия твоих людей. Самая острая стрела летит не силой тетивы, а правдой твоего слова. Не забывай об этом в блеске своих будущих побед.

Ее слова прозвучали как пророчество. Мне стало неловко за свою мальчишескую похвальбу. Я вдруг понял, что она права. Слава — это дым. Сегодня тебя носят на руках, а завтра твой пепел развеют по ветру. Остается только то, что ты построил своими руками и своим умом.

Снизу потянуло гарью. Запах пожара смешивался с запахом крови. Битва затихала, переходя в фазу грабежа и подсчета добычи. Скоро отец пошлет за мной.

— Пойдем, — я встал и протянул ей руку. — Нужно вернуться к матери. Здесь становится небезопасно.

Она вложила свою ладошку в мою. Маленькая, теплая, живая.

Когда мы спускались с холма, обходя стороной главную площадь, где уже складывали тела павших (как врагов, так и наших), я думал не о том, сколько голов скота мы захватили. Я думал о словах сестры. О следах ветра. О том, что истинная сила может быть разной.

Мы обогнули длинный дом старейшин и вышли к нашему семейному шатру. Полотнище входа было откинута. Внутри слышался плач — это мать перевязывала раны выжившим воинам, используя свои знания трав. Обычная картина после боя.

У самого входа в наш шатер сидел Гневомир. Старый воин тяжело дышал, прислонившись спиной к опорному столбу. Его левая рука безвольно висела вдоль тела, рукав кожаной куртки насквозь пропитался темным и густым. Кровь.

— Дедушка! — вскрикнула Лада и бросилась к нему.

Гневомир открыл мутные глаза и попытался улыбнуться, увидев внучку.

— Тише, волчонок... Тише. Царапина. Просто задела по касательной... Кости целы.

Он лгал. Любой дурак видел, что удар пришелся чуть выше локтя и был глубок. Старик потерял много крови и держался только на силе воли.

Рарог, — прохрипел он, найдя меня взглядом. — Подойди.

Я подошел, чувствуя, как внутри поднимается холодная ярость. Тот, кто посмел поднять оружие на старейшину, достоин мучительной смерти.

— Возьми мою секиру, мальчик, — прошептал Гневомир, пытаясь здоровой рукой указать на оружие, стоящее рядом с ним. Древко из ясеня, лезвие, испещренное старыми зазубринами. — Она ждала достойного владельца. Теперь её время пришло. Береги её. И береги их, — он кивнул на Ладку, которая уже пыталась перетянуть его рану чистым полотном. — Вы — будущее племени. Не кровь и железо. Вы.

Его голова упала на грудь. Дыхание стало прерывистым.

— Нет! Дедушка, не спи! — закричала Лада. Слезы текли по ее щекам, оставляя светлые дорожки на грязной коже. — Не оставляй меня!

Я опустился на колени рядом с ними. Мир сузился до размеров этого клочка утоптанной земли. Рев битвы внизу, запах дыма, холодный зимний воздух — всё исчезло. Остались только три человека. Умиравший старик, рыдающая девочка и я, застывший между ними.

Я взял секиру Гневомира. Рукоять идеально легла в ладонь. Вес оружия показался мне правильным. Слово оно само прыгнуло мне в руки. Оно было тяжелым, но не неповоротливым. Оно обещало смерть любому, кто посягнет на моих близких.

— Он не оставит тебя, — твердо сказал я Ладе, поднимаясь на ноги. Мой голос больше не дрожал. Он стал низким и жестким. — Никто не посмеет причинить тебе вред, пока я жив. Клянусь именем нашего отца и памятью деда. Я буду твоей стеной. Я буду твоим клинком.

Я посмотрел на тело Гневомира. Ярость внутри меня превратилась в лед. Холодный, расчетливый гнев.

— А те, кто сделал это, — добавил я тише, обращаясь скорее к самому себе и духам предков, — познают мой гнев. Я найду каждого. И они пожалеют, что родились на свет.

В тот день, сидя у тела павшего старейшины и слушая всхлипывания сестры, я впервые понял разницу между подвигом ради славы и войной ради защиты. Мечта о великих завоеваниях померкла. На первый план вышла другая цель.

Выживание. Безопасность. Справедливость.

Мечта стала осязаемой. У нее появилось лицо врага и холодное древко секиры в руке.

Глава 3.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.